

Судьбинная глубина городов

Предисловие

Именно к этой книге писать предисловие мне было невероятно трудно: странным образом она вместила многие мои вещи, написанные от первого лица. И в отличие от других романов или повестей, где местоимение «я» выполняет порой чисто служебную функцию в рассказе какой-то героини или героя, тут, что называется «все мое»: это я, именно я брожу по Карлову мосту, я ищу следы моих предков на мостовых и площадях Испании, под дождем скитаюсь холодной провансальской весной с томиком писем трагического Ван Гога в рюкзаке; это именно я выплескиваю печаль и любовь к своим близким. Это все обо мне, и о тех, кого я люблю — от людей до собак.

И потому мне трудно что-либо добавить.

Это — самая честная книга отчаянного вруна. Ибо писатель, он по определению — сочинитель, придумыватель людей и их поступков, описыватель мест, где он никогда не бывал, чувств, которые лично он не испытывал. Писатель без зазрения совести преподнесет вам чужую историю любви, чужую жизнь никогда не существовавшего человека так, что сердце ваше будет замирать от восторга или тоски. Писатель — врун отчаянный и умелый. Профессия такая; дело жизни.

Но существует еще и просто жизнь, его личная жизнь с поездками и движениями души, с разговора-

6 ми-спорами, с переживаниями, которые ты и вовсе, казалось бы, не собираешься описывать — уж больно личный опыт, не для чужих; тем более — не для читателей. Читатели всегда ищут в любом герое, в любой постельной сцене, в любом ресторанном меню и любом описанном маршруте отпечатки пальцев, следы, ДНК автора.

А вот эта книга — она собрала под свою обложку те вещи, в которых и скрыться невозможно.

1

Принято повторять, что каждый город, во всяком случае, тот, чье имя на слуху у человека любой государственной принадлежности, имеет свой неповторимый характер, душу и язык, на котором он обращается к приезжим, и к своим обитателям. То, что еще в древности называлось *genius loci*, дух-покровитель, «гений места».

Об этом самом «гении места», а, иными словами душе города, написано множество книг, которые все равно ничего толком не объясняют, ибо обращены к любознательности путешественника; а любознательность питается фактами и датами, а отнюдь не розовым отблеском утреннего света, что скользит по головам почерневших от времени статуй Карлова моста.

Я же всю жизнь гоняюсь именно за этим: за шелестом мокрых деревьев, за утренним говорком неизвестной местной птички, за непривычной кладкой булыжников на крошечной площади... за грустноватым выражением слуховых оконеч где-нибудь в старых приземистых домах Малой страны.

Исходя из этих моих предпочтений, а также из суммы добытых, застигнутых, извлеченных из воздуха и окрестного пространства невесомых трофеев, год-

ных разве что для литературы, Прага отзывается моей душе гораздо теплее, ярче, нежнее, чем остальные города. (За исключением, конечно, Иерусалима; но у этого места не одна, а сразу несколько огнедышащих душ, — как голов у дракона, и точно так же, как у дракона, на месте отрубленной стремительно вырастает другая).

Я полагаю, об этом дуэте, об упоительном и всегда индивидуальном танце великой души города с частной и проходящей душой человека только и стоит писать, если берешься описывать перемещения в пространстве.

Многое в этом решает личность художника, писателя, философа — род занятий не важен, важна скорее судьбинная глубина, — с именем которого связано и имя города. Чаще всего эта связь является нам в коммерческой суете и расхожих символах вроде облика Франца Кафки на футболках, чашках и брелоках... Это оборотная сторона подлинной славы: то, что Франц Кафка родился и жил в Праге, знает и тот, кто романов его не читал и прочесть не в состоянии.

Отправляясь в Прагу, ты готов к мельтешению этих торговых марок.

Но есть иные встречи, удивительные, будто подстроенные судьбой: так я, с томиком писем Ван-Гога, оказалась на вилле в Сен-Дени, маленьком городке в Провансе, рядом с психиатрической лечебницей, где закончил свои дни великий художник. И вот тут уже ты с изрядной долей страха ощущаешь диалог не с местностью, а с куда более ирреальными силами.

Камертоном настроения любой «новеллы странствий» служит, как правило, какая-либо сцена, часто неожиданная, наблюдать которую тебе случайно

8 привелось. Так, исходив Прагу, вдоволь напитавшись красотой ее фасадов и крыш, заполнив несколько блокнотов, писать о ней всерьез я захотела лишь после того, как увидела на Карловом мосту небольшую толпу слушателей заурядного джаз-банда; лицо одной пожилой, мечтательно зажмурившейся туристки и тихое покачивание ее в такт музыке послужило тем толчком, тем внутренним импульсом, которого всегда ждет писатель, приступая к работе.

И еще в моих путешествиях есть одна особенность: тогда, когда поездка предусматривает «разведку боем», то есть подготовку к написанию книги, провидение, или как там его назвать, мой литературный ангел, — короче, кто-то там, по моей профессиональной части, — всегда посылает мне в помощь достойного проводника. Не могу забыть, как, составив маршрут по Испании и уже заказав билеты, я вдруг поняла, что эта, туристическая по сути, поездка, ничем мне помочь не сможет. Ведь испанцы, в отличие от многих прочих европейских народов, по-английски почти не говорят. И значит, уготована мне участь обычного туриста, которому страна открывается исключительно глянцево́й стороной путеводителей.

И вдруг за два дня до отъезда получаю письмо от женщины, полуиспанки, полурусской, родившейся в Москве, которую после окончания школы мать и бабушка увезли в Севилью, где она и живет до сих пор. Она писала по прочтении одного из моих романов; приглашала приехать, уверяла, что если когда-нибудь мне захочется побывать в Испании, что если когда-нибудь приведет судьба...

«Дорогая Лола! — написала я ей в ответ — В Испанию меня приведет судьба послезавтра».

И замечательная Лола приехала из Севильи к нам в Кордову, и мы провели вместе незабываемый день, а потом еще год переписывались с ней, так что роман «Белая голубка Кордовы» своими реалиями сугубо частной испанской жизни, до которой очень редко добираются туристы, во многом обязан именно ей, Лоле Диас.

И, наконец, самое главное, самое сокровенное: любое путешествие таит неожиданную встречу с соотечественниками, которых разметало по всему свету, за душой у которых обязательно есть новелла о жизни, о перенесенных трудностях, о победе над судьбой или о поражении. А иногда... иногда ты встречаешь настоящий перл уникального сюжета. И, выслушав героя, и расставшись с ним, унося в блокнотике несколько заветных страниц для будущего рассказа, повести, новеллы, ты в очередной раз мысленно благодаришь провидение, своего литературного ангела, — короче, кого-то там по нашей профессиональной части — чье старательное воображение никогда не оскудевает, чьи усилия никогда не пропадают даром.

2

С первой минуты пребывания в Испании — а впервые мы с Борисом оказались там весной 1999 года — я чувствовала странное напряжение, волнение, пристрастное и совсем не туристическое внимание ко всему, что меня окружало... Причиной тому была семейная легенда об испанских предках, следы которых я сама, не отдавая себе в этом отчета, подсознательно искала в любом испанском городе, где мы оказывались. И в конце концов нашла в Толедо, где и по сей день живут несколько семей с бабкиной фамилией

10 Эспиноса, которая, изменяясь в истории и разных странах, когда-то в Голландии превратилась в фамилию знаменитого философа Бенедикта Спинозы.

По возвращении домой, я написала повесть — не повесть, а такие длинные записки путешественника под названием «Воскресная месса в Толедо», полагая, что в этой вещи воплотила все свои тревоги и неоднозначные чувства к Испании... после чего можно с легкой душой закрыть эту тему.

Однако не тут то было. Испания меня не отпускала. Причем меня не интересовало в ней то, чего ищут многие туристы и отдыхающие — все эти солнечные побережья, курорты, национальная кухня, террасы уютных кафе, порты и лагуны. Морей и солнца хватает и в Израиле. Как заметила моя приятельница, гид и частый в Испании гость: «Если в каком-нибудь Коста-дель-Соль ты видишь человека, который, в отличие от остальной толпы туристов, ищет теневую сторону улицы, знай, что это — израильтянин».

Нет, знаменитые испанские курорты меня никогда не привлекали.

Испанию я чувствовала издалека беспокойно и властно, она меня будто звала, будто хотела заставить еще и еще раз задуматься, вникнуть, понять, проследить те невидимые связи, те испанские струны, которые во мне столь настойчиво и тревожно звучат.

Так родился замысел романа «Белая голубка Кордовы», героя которого, его характер, его предков я связала с Испанией. И для того, чтобы еще раз почувствовать воздух, пространство, цвета и запахи этой страны, решила проехаться по нескольким городам. В первую очередь — оказаться в Толедо.

На сей раз, сказала я себе, меня не интересует история собственной семьи. На сей раз я придумы-

ваю историю другого рода, другой семьи, других обстоятельств... И несколько дней с утра до вечера мы исхаживали улочки Толедо, фотографируя глухие, не туристские уголки, дворы и подворотни и заполняя блокнот разного рода заметками, необходимыми для создания образа русского художника, чья семья корнями уходит в совсем иную, испанскую местность.

В последний день, перед тем, как вызвать такси в аэропорт, мы решили еще раз прогуляться по ближайшим к отелю улицам, хотя, казалось, что всю округу мы знаем, как местные землемеры. Еще раз прошли пешком до набережной Тахо, постояли на древнем мосту... Надо было возвращаться.

— Давай поднимемся к отелю тем переулком? Мы там еще не были.

— Мы везде были, — возразил муж, — и мы уже опаздываем. Ничего нового в том переулке нет.

— А все-таки...

Вот что-то же вело меня именно в этот кривой и короткий, совсем неинтересный переулок, в котором действительно не было ничего для нас нового, кроме...

Голубые ворота в небольшой дворик-патио были открыты, чтобы туристы, которые пройдут мимо, заметили развешанные по стенам, лежащие на круглом столе картинки, выставленные на продажу.

— Зайдем!

— Ты что, еще не все скупила в этом городе?! — Мой многострадальный муж, с утра уже утрамбовавший чемоданы, привычно вообразил, как навешивает на себя еще один прикупленный мною сувенир. — Мы же опять как елки...

Но я уже была во двореке, уже разглядывала товар, переходя от одной картинки к другой, — веселила сердце. Все же в глубине существа я — человек коробейниковой эпохи.

12 Это была мастерская художника — на столе стояли несколько банок с краской, лежали кисти на растеленной газете.

Небольшие картинки были рисованы на предварительно состаренных досках и выглядели славно — стильно, декоративно.

Из приоткрытой в дом двери к нам вышел юноша лет семнадцати. Я на корявом испанском спросила сакраментальное: «Куанта куэста?» — в ответ услышала, что всего двадцать пять евро, и вдохновилась. Надо сказать, что и Борису картинки понравились: он вмиг забыл, что мы опаздываем, что мы и без того перегружены, что я вечно покупаю все, на что глаз ляжет, а потом не знаю, куда это деть... Мы хватались то за одну, то за другую дощечку... Наконец выбрали: группа трубачей, трубящих в длинные трубы, стилизация под средневековые гравюры, чуть тронутая тусклым золотом. Внизу какая-то надпись на латыни.

— Вот эту, пожалуйста!

Я достала кошелек, а юноша принялся заворачивать доску в газету. Мелькнула с изнанки чья-то подпись...

— Постойте! Что там?

Я взяла в руки доску, перевернула. На черной поверхности белой краской было размашисто выведено «Espinosa»...

И я поняла, зачем меня притащили в этот дворик.

— А кто это — Эспиноса? — спросила я.

— Мы, — ответил парень. — Это работы моего отца.

И, завернув доску в газету, вручил мне... Он так сердечно, так естественно произнес «ми падре»... Я помедлила еще мгновение, представляя, что бы сказала ему на испанском... Но в отличие от героя моего романа «Белая голубка Кордовы» или от героев рома-

на «Последний кабан из лесов Понтеведра» я, увы, не говорю на испанском. К тому же мы и вправду опаздывали... 13

Дома я повесила доску в прихожей. Она благородно отсвечивает тусклым золотом труб. Недавно была у меня в гостях моя подруга из Милана. Обратила внимание на картинку. И я ей рассказала историю покупки.

— А знаешь, что здесь написано? — спросила она. — «Береги Дев!»

Так и висит у меня этот милый моему сердцу — сердцу Девы — оберег. Бережет меня исправно.

Перед тем как выйти на улицу, я привычно бросаю взгляд на доску, и в моей памяти на мгновение всплывает дворик, весь завешанный работами художника, — еще одного художника в моей дальней-предальней испанской родне.

Дина Рубина

НЕСКОЛЬКО
ТОРОПЛИВЫХ СЛОВ
ЛЮБВИ